

Василий Лягоскин
Бей первым, Федя!

Ветеринар. Книга первая

Василий Лягоскин

Бей первым, Федя!
Ветеринар. Книга первая

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Бей первым, Федя! Ветеринар. Книга первая / В. И. Лягоскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830011-0

Эта история выдумана от первого до последнего слова. В реальной жизни Ветеринар, он же Федя Казанцев, скорее всего, не дожил бы до вечера первого июня две тысячи шестнадцатого года — дня, когда все началось. На страницах же книги он нокаутирует чемпиона Европы по боям без правил, целится из снайперской винтовки в президента Соединенных Штатов и гоняет по Марселю толпы британских фанатов. А главное — влюбляет в себя самую шикарную женщину Сибири...

ISBN 978-5-44-830011-0

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Федор Казанцев	6
Глава 2. Казанцев, Пончик и другие	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Бей первым, Федя!
Ветеринар. Книга первая
Василий Иванович Лягошкин

© Василий Иванович Лягошкин, 2016

ISBN 978-5-4483-0011-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Федор Казанцев

Мысль – не стремительная, быстрокрылая, подобно чайке, а медленная, тягучая – ворочалась в голове, как медведь в берлоге, не давая поймать себя за хвост.

– Хвост?! – так и не сумев схватить ее, тряхнул головой Федор, – какой хвост у медведя?

Это движение словно взорвало голову изнутри, заполнив ее болью. Последняя оказывается мирно дремала вместе с Федором на полу его собственной квартиры. Он тоскливо замычал, представив себе реакцию жены и ее последующие действия, когда на его лицо шлепнулась какая-то тряпка; затем вторая – так, что закрытыми оказались и мычащий рот, и резко выступающий меж небритыми скулами нос, и не успевшие открыться глаза.

Но Казанцев и с закрытыми глазами смог безошибочно определить, что с такой настойчивостью полезло ему в ноздри вместе с густым непереносимым запахом. Так зловонно могли смердеть только носки, хозяин которых наделю за неделей забывал поменять их на свежие. Этот «аромат» прочистил мозги лучше нашатырного спирта. Мысли наконец забегали, затеснились в голове Казанцева.

– О-о-о.., как мне плохо, – это была первая мысль, которую Федор все-таки смог поймать за хвост, – подожди, а чьи же это носки?! Моими они точно не могут быть! Если только лет десять назад я мог позволить себе такое. Но сейчас!? Когда уже восемь лет живу с лучшей женщиной на свете, с моим Галчонком...

Нет – представить себе, что его Галочка, Галюсик, могла позволить Федору надеть несвежие носки, да еще такого срока носки, было просто невозможно; что за эти восемь лет...

– Стоп! Восемь лет! Сегодня же годовщина нашей свадьбы! Нашей с Галчонком свадьбы!!! А я валяюсь тут на полу, как свинья. Как длинная худая грязная и небритая свинья!

– Свиней не бреют, а опаливают – паяльной лампой, – полезло из него профессиональное ветеринарское нутро, но Федор поспешно загнал его на место и резко дернул туловищем, попытавшись сложить его пополам и сесть на жестком полу.

Попытался! Своим движением Казанцев смахнул с лица легкий зловонный груз и одновременно впечатался лбом в кровать, едва не перевернув ее набок. Кровать была подарком Фединых родителей к свадьбе – железной, тяжелой. С шишечками, старинной панцырной сеткой; такую уже тогда, восемь лет назад, невозможно было достать в магазинах. Еще у ней были толстые уголки, к которым эта сетка крепилась. В такой уголок Федор с размаху и врезался.

Мысли опять исчезли из многострадальной головы. Остался только крик и судорожные движения.

– А-а-а!., – кричал теперь Федор вместо прежнего мычания, ворочая тремя длинными конечностями и пытаясь отползти подальше от кровати.

Четвертая конечность – правая рука – крепко зажимала лоб, не давая расползтись до неприличных размеров ни оглушающей боли, ни стремительно набухавшей шишке, расположившейся точно посреди лба. Наконец Казанцев уперся ногой в противоположную от кровати стену комнаты, куда дополз, успешно сымитировав червя, замер на мгновение и повторил попытку сложиться пополам в сидячем положении.

Вторая попытка оказалась успешной. Федор сидел на полу, покачиваясь, продолжая всхлипывать и шипеть сквозь стиснутые болью зубы. Одновременно он поглаживал правой ладонью лоб. Двух минут подобных действий хватило, чтобы он наконец решился открыть глаза. Его поразил не вид собственного тела – худого и длинного, как всегда; не тот факт, что это тело скорчилось на полу в абсолютно обнаженном виде, если не считать за одежду разбросанные по нему без всякой системы крупные болезненные синяки. Не сразил его и беспорядок в комнате, обычно идеально чистой. Сейчас повсюду валялись лохмотья; то, что видел Федор

вокруг себя, одеждой назвать было нельзя. Венцом всего были чьи-то трусы, уныло свисавшие с люстры. Они очевидно давно потеряли свой первоначальный цвет и рисунок и были протерты до такой степени, что непонятно было – неужели кто-то в них пришел сюда?

Но Казанцев и об этом «ком-то», и о его трусах подумал мельком. Сейчас он готов был насладиться картиной, которая и сразила его, заставив опять замычать – теперь в сладостном нетерпении. Потому что в дверях стояла его Галюсик с бутылкой в руках. Неважно какой бутылкой.

– Конечно, лучше бы это была водка, – пробормотал он в некотором разочаровании; совсем микроскопическом.

Но нет – эта бутылка характерной формы и размеров больше всего напоминала те, которыми они пытались подпоить одноклассниц в дни уже почти забытой школьной юности. В те годы самым популярным напитком среди девчат был финский ликер. Сам Казанцев и тогда не сомневался, и сейчас был готов подписаться под утверждением, что этот тягучий сладкий напиток со вкусом клюквы или персика даже рядом не стоял с обычной русской нераскрученной водкой.

Федор бодро – как ему показалось – вскочил на ноги, совершенно не стесняясь наготы. А кого ему было стесняться – Галчонка что ли? Да она видела его в таких ракурсах и позах, что...

– Вот об этом пока не надо, – остановил он себя, поднимая все ту же правую руку.

Ростом боженька Казанцева не обидел. До двух метров он не дорос, но совсем немного – каких-то пять сантиметров. Так что головой он сейчас едва не задел люстру. Висевшие на ней трусы естественным образом переместились на голову Казанцева. Теперь никто не мог сказать, что на выпрямившемся во весь рост мужике совершенно не было одежды. Была – секунд пять! Потом Федор сгреб этот комок ткани с макушки и зачем-то вытер трусами абсолютно сухое лицо. Вздрыгнув всем телом от омерзения (трусы воняли еще гнуснее, чем дырявые носки только что), он плюнул в них и точным броском отправил в нижний правый от двери угол.

Проводив взглядом удачный бросок, он посмотрел на жену, которая инстинктивно дернулась от чужой одежды; вместе с ней дернулась и бутылка, попав в косой солнечный луч, пробившийся сквозь неплотную занавеску. Федор вдруг почувствовал, как что-то (сердце, наверное) гулко ухнуло вниз, вглубь живота. Первая, и единственная за сегодняшнее утро светлая надежда скончалась, едва успев подмигнуть ему.

Солнце, которое било поверх плеча Галчонка прямо в глаза Казанцеву, пока он сидел на полу, сыграло с ним подлую шутку. В руках жена держала вовсе не бутылку со сладким импортным содержимым, которым он надеялся погасить бушевавший всюду внутри него посталкогольный пожар. Не от стеклянного бока финского изделия скакнул в глаза Федору веселый солнечный зайчик. Нет – так ярко и игриво сверкнуло на солнце лезвие обычного кухонного топорика. Того самого топорика с длинной ручкой, одним тупым и вторым острым концом, который он собственноручно заточил два дня назад.

Теперь его (топорик) держала в руках жена; держала воинственно. Федору даже показалось, что с острого блестящего лезвия на пол сорвалась густая темная капля крови. Он нацелил на эту кляксу длинный указательный палец и прохрипел, откашлявшись, короткий вопрос:

– Это что?

– Это ты меня спрашиваешь? – с ударением на «меня» пошла в атаку Галчонок, – это я тебя спрашиваю: «Что это такое?!».

Она наступала на мужа, поигрывая топориком и откидывая в сторону лохмотья, попадавшие под ее ножки, обутые в мягкие лопухие тапочки. Те самые ножки, которые до сих пор сводили Казанцева с ума...

Впрочем Федору, отпрыгнувшему от топорика за спинку кровати, стало совсем не до того, когда Галя вдруг рухнула ничком на постель, выпустив оружие на пол. Топорик глухо стукнулся

о крашенные доски, а Галчонок заревела во весь голос – впервые за восемь лет их совместной жизни.

Через мгновение Казанцев был уже рядом; он сидел на скрипучей кровати, поглаживал жену по вздрагивающей от рыданий спине и бормотал, успокаивая ее:

– Ну что ты, Галчонок, перестань! Ну хочешь – ударь меня. Ну не плачь, маленькая, все будет нормально. Сейчас уберусь – соберу всю эту грязь, выкину... Нет – сожгу, чтобы и следа не осталось...

– Уже, – сквозь слезы всхлипнула Галина.

– Что уже, – не понял Федор.

– Уже сожгла! – чуть не выкрикнула жена.

Она снова залилась слезами, так что ее спина задергалась под длинной Фединой ладонью.

– Что сожгла? – опять не понял Федор.

Галчонок вдруг резко подскочила на кровати, одним движением развернувшись и усевшись напротив мужа. Казанцев несмело улыбнулся ей, в тысячный; нет – в миллионный раз позавидовав себе, такому счастливому с такой прекрасной половинкой. Галину не портили ни вспухшие от слез глаза, ни шмыгающий чуть вздернутый носик, ни та непостижимая ярость, которую она вдруг выплеснула прямо в лицо мужа вместе со словами:

– Одежду твою сожгла-а-а!..

Не имея возможности схватить его за отвороты рубашки ввиду отсутствия последней, и потрясти как следует нескладное тело мужа, она замолотила кулачками по его впалой груди.

Было совсем не больно; но и на боль Казанцев не обратил бы никакого внимания, потому что заполнился сейчас изумлением.

– Зачем?! Зачем надо было сжигать мою одежду? – совсем запутался Казанцев, – и чья, наконец, эта? Ты можешь мне объяснить?

Он поддел ногой, доставшей до середины комнаты, кусок тряпья, оказавшейся дырявой майкой.

– А вот зачем! – Галина ловко подцепила рукой грязный предмет чужого туалета и ткнула им Федору в нос. Ткнула в буквальном смысле, так что ему – как он не задерживал дыхание – пришлось глотнуть и этого «аромата».

Майка пахла сразу всем – и носками, и трусами, и... той самой каплей крови, которая возможно, на самом деле стекла недавно с лезвия топора. Запах свежей крови сквозь нещадную вонь драной майки мог распознать чуткий нос профессионала. Федор Казанцев был как раз таким профессионалом – дипломированным практикующим ветеринарным врачом. Этот запах вдруг стал главным. Он заполнил ноздри Казанцева, расширившиеся от предчувствия чего-то ужасного. Федор скосил глаза вниз, не решаясь выхватить майку из рук жены. Смятый комок грязной ткани густо покрывали кроваво-красные пятна.

– Просто кровавые, – машинально поправил себя Казанцев и шепотом, будто кто-то кроме жены мог еще услышать его, спросил, – а где... он?

– Кто он?

– Ну кто?.. Труп!

Жена замерла на секунду с каким-то странным выражением лица, а потом ответила, по обыкновению вопросом на вопрос:

– Ага, ты даже не знаешь, как его зовут... звали? – Галчонок коротко истерично хохотнула, потом опять задумалась, словно решала какую-то задачу; наконец решила ее и выпалила, – привел неведомо кого в дом, испоганил тут все. Потом сунул ему в бок ножик и даже не спросил, как его зовут?

– К... какой ножик? К... куда сунул?

– А то сам не знаешь, куда суют? Между пятым и шестым ребром; а дальше – как у Михаила Юрьевича.

– К... какого Михаила Юрьевича? – зубы насмерть перепуганного Казанцева начали выстукивать танец маленьких лебедей.

– Лермонтова Михаила Юрьевича, – на удивление быстро успокоилась Галина, – сунул и «... там два раза повернул свое оружие...».

Она наконец бросила окровавленную майку на пол и опередила очередное «Зачем?» мужа:

– Как поросенка – чтобы задеть жизненно важные внутренние органы.

– Ну и?..

– Ну и все! Один удар – одна дырка – один труп!

Галина рассуждала вполне профессионально. Она была таким же дипломированным ветврачом, как и Федор, только временно не практикующим. Больше того – в свое время она закончила вместе с Казанцевым «Тимирязевку».

Федор вскочил с кровати, забегал по комнате. Теперь его лицо покрывали крупные капли пота, но нагнуться за лохмотьями, чтобы смахнуть ими противную липкую влагу, он не решился, побрезговал. Казанцев остановился у шкафа, резко дернул за ручку полированной дверцы. Внутри царил обычный идеальный порядок. В углу не сидел, и не улыбался ему остывающий труп. Под кроватью – как помнил Казанцев – тоже никого не было. Больше в комнате прятаться было негде. Он остановился посреди комнаты, под люстрой и бросил вопрошающий взгляд на жену.

Сквозь скорбную мину Галчонка пробилась чуть заметная усмешка. И Казанцев на мгновение застеснялся собственной жены, даже попытался прикрыть срам. Впрочем, он тут же отдернул ладони. Не потому, что сделать вполне понятное действие было затруднительно – очень уж впечатляющим, намного превышающим своей длиной даже его ладони, был этот жизненно важный орган Федора. Его остановили слова Галины:

– Да нет его, не ищи. Это ты тут дел натворил, а потом полночи на полу валялся – храпел да песенки пошлые пытался петь. «Конфетки – бараночки...», – усталым голосом передразнила она. А я полночи за тобой следы заметала.

– И куда... ты его сунула?

– Ну куда я могла деть его с девятого этажа? Только с балкона, или в мусоропровод, – Галина помолчала, а потом вполне буднично закончила, – я выбрала второе.

– Так он же это... как поместился-то?

– Практикум по рациональной разделке свиной туши повторно проходила, – опять вполне буднично, и от того очень страшно пояснила Галина и кивнула на топорик, валявшийся на полу, – выяснила заодно, что человек действительно очень похож на свинью.

Она посмотрела на мужа так выразительно, что ему опять захотелось прикрыться. Его взгляд зашарил по полу в поисках чего-нибудь попримочнее, и наткнулся на топорик. Теперь он разглядел, что лезвие, им самим недавно любовно поправленное, покрыто бурыми пятнами. Что его лезвие блестит не так уж и ярко. И, наконец, что на худеньких, обнаженных по локти руках Галчонка тоже видны капельки засохшей крови. Последнее обстоятельство окончательно сразило его. Казанцев рухнул обратно на кровать, заставив ее завизжать совсем пронзительно. Он обхватил руками занывшую опять голову и закачался, словно пьяный. Пружины продолжали скрипеть под ним в такт похоронному маршу. Одна, или две скрипнули совсем невпопад – это встала Галина.

– В общем, я свою часть работы сделала. Заметь – самую трудную. За тобой все остальное, – она замаялась, выживая из памяти нужное слово, – зачистка!

Федор ошеломленно смотрел, как эта хрупкая женщина, о которой он, оказывается, многого не знал, покидает комнату. Хладнокровная и решительная, как наемный убийца, она скрылась за дверью и зашуршала чем-то в коридоре. Через три минуты хлопнула другая, теперь уже входная дверь и Казанцев остался в квартире один.

Он посидел еще минут пять, собираясь с духом, затем тяжело поднялся. Сейчас ему на вид было гораздо больше тридцати четырех лет, которые он совсем недавно справил. Морщины, что избороздили лицо вдоль длинных скул, а больше – высокий, совсем недавно чистый лоб, сейчас украшенный лиловым синяком, подходили больше глубокому старику. А тут еще щетина, которую Федор давно себе не позволял.

Вообще-то не позволяла Галчонок, но Казанцев, только глянув в коридоре в большое – во весь его рост – зеркало, поморщился. Он сам жутко не понравился себе сейчас, что уж говорить о жене.

– Значит, зачистка? – пробормотал он, проведя по щеке в тщетной попытке разгладить морщины.

Федор вдруг понял, что слово Галины отныне для него будет законом. Он и прежде, в общем-то, всегда соглашался с женой. Но – соглашался! Теперь, чувствовал Федор, все пойдет по другому. Рассердившись – больше на себя, чем на Галчонок – он бросился в ванную. Через десять минут одетый, умытый и даже побритый Казанцев ступил на кухню, чтобы подвергнуться еще одному испытанию. Он еще улыбался, отметив в том же зеркале, что вместе с щетиной исчезла и большая часть морщин; только синяя шишка налилась еще круче; улыбка эта вдруг стала предвкушающей, даже хищной. Пустой со вчерашнего вечера желудок предательски заурчал – так призывно он отреагировал на вкусные кухонные запахи. И прежде всего на те, что выбивались из-под крышки огромной чугунной сковороды. Даже не открывая ее, Федор знал, чем хотела порадовать своего мужа Галчонок в день годовщины бракосочетания.

– Конечно, мясо! – проворковал он любовно, – настоящее мясо без всяких лишних приправ. Сало, мясо, лук, чеснок – все крупными кусками... Ну еще – соль и черный молотый перец. И все!

Именно такой немудреный деликатес, до сих пор едва заметно шкворчащий под крышкой, и ждал его. Сковорода тут же оказалась на столе, а сам Казанцев метнулся к холодильнику. Там не могло не быть заветной бутылочки! Сейчас Федор помнил только о юбилее, о том, что к такому дню Галчонок сама припасала бутылку «Столичной». И она – стеклянная красавица с красно-белой наклейкой – действительно ждала его. Всего одна, так и гостей никаких не ждали; не юбилей ведь. Федины родители жили далеко; Галины вообще в необозримой дали – в Узбекистане, который теперь был другим государством.

В холодильнике хватало еще много чего вкусенького, припасенного женой, но Федора вся эта вкуснятина сейчас не прельщала. Может, потом? Он посмотрел на вместительную сковороду и покачал головой:

– Если и будет «потом», то очень не скоро. А пока – сковорода и бутылка.

Ну и третьим он сам, Федор Казанцев, теперь уже номинальный хозяин дома. Он взял в руку вилку, и все черное, страшное отступило в самый уголок души – туда, куда даже сам хозяин никогда не заглядывал. И труп, и расчлененка, и все-все-все. Единственная картина – прямая от напряжения спина Галины (последнее, что зафиксировали его глаза, прежде чем хлопнула входная дверь) – задержала на мгновение его руку с налитым доверху прозрачным нектаром. Рука чуть дернулась, так что немного водки плеснулось через край, но... Как и всякий уважающий себя выпивоха со стажем Казанцев мог отыскать оправдание любому поступку, если он вел к вожделенному стакану.

– Это не бунт на корабле, – наконец пробормотал он, лихорадочно подыскивая слова, – это... это – поминки. Поминки по прежней жизни.

Федор довольно кивнул себе и опрокинул рюмку в широко открытый рот. Кадык чуть заметно дернулся и блаженная улыбка появилась на его губах. А руки уже сами делили мясо в сковороде на три равные доли – две себе, одну жене, что было вполне справедливо, учитывая разницу в комплекции. Впрочем, будь сейчас здесь Галчонок, она и от своей доли отодви-

нула бы половину ему, любимому. В том, что Галина любит его так же крепко, как и восемь лет назад, Казанцев не сомневался. Очень самоуверенный был, понимаете ли.

Наконец крепкие зубы в последний раз жадно впились в сочный, истекающий жиром кусок свинины.

– Свинины... – лениво шевельнулась в голове мысль, когда и бутылка, и сковорода опорожнились ровно на две трети; тот кусок, который с сомнением принялся разглядывать Казанцев, он зацепил уже с доли Галчонка, – какой свинины? Откуда она взялась? На рынок вчера с утра не ходили, а морозилка была пуста. Да и с деньгами в последнее время...

Федор метнулся к холодильнику, дрожащей рукой рванул верхнюю дверцу. Морозильная камера, вопреки его страстным надеждам, была пуста. Свежий налет инея в ней явно никто не тревожил ни сегодня, ни вчера. Тот комок, что он успешно загнал в укромный уголок своей души (или что там внутри нас кроме ливера?) вдруг стал выползать, разворачиваться, заполняя собой всего Федора, включая его набитый желудок.

О последнем он подумал зря. Казанцев еще несколько секунд постоял у раскрытого настезь холодильника с зажмуренными глазами, раскручивая перед собой страшную картину: вот он сует меж ребер незнакомого оборванца ножик (возможно тот самый, которым только недавно нарезал хлеб); вот Галина, пугливо озираясь, взмахивает топориком...

В затуманенной тремьями граммами водки мозгу Федора быстро шел процесс расчленения трупа. От последнего оставалось уже немного – истлевшая почему-то уже до состояния жутко ухмылявшегося черепа голова, да ноги – волосатые и грязные. До Федора опять донесся запах лежащих в спальне чужих носков. Но это он еще как-то стерпел. А вот последний акт вандализма под черепной коробкой не уместился. Казанцев словно воочию видел, как ловкие женские руки стягивают с посиневших ступней чуть ли не ломающиеся от засохшей грязи носки, а затем... топориком отхватывают от жилистых волосатых ягодиц подходящие по размеру куски человечины и бросают их на сковороду, в шкворчащий жир. Мысль о том, что у жаркого был какой-то незнакомый сладковатый привкус, мозги еще смогли переварить, а вот желудок – увы...

Федор сорвался с места, как опытный спринтер, и бросился в открытые двери балкона, куда погнало его инстинкт. Потому, наверное, что до него было в два раза ближе, чем до ванной. Он перегнулся через хрупкие перила не застекленной лоджии и открыл рот раза в два шире, чем перед первой рюмкой водки. И кадык на худой шее скакал гораздо активнее, чем прежде. Только глаза не участвовали в процессе освобождения Федино организма от не переваренных кусочков того, кто еще вчера пил с ним водку, ругался матом, и, может быть, даже кого-то любил. Если бы Казанцев мог оторвать от деревянных перил руки, он бы, наверное, отключил от этого процесса и уши, заткнув их пальцами. Увы – падать с балкона восьмого этажа Федор не хотел. Летать подобно птице он, как всякий уважающий себя человек, не умел. Правда уважения к себе у него в последнее время почти не осталось, но летать от этого лучше Казанцев не стал. Поэтому перила он не отпустил, а глаза открыл, чтобы убедиться – слух не обманул его.

Буквально в метре от его лица наливалось багрянцем другое – лицо соседа, занимавшего своей персоной квартиру этажом ниже казанцевских апартаментов. Лицо, хорошо известное всему городу и области, и многим-многим по всей России, и даже за ее пределами. Особенно в Европе, чемпионом которой по боям без правил в тяжелом весе он был. Но сейчас мало кто из его поклонников узнал бы своего кумира. На круглой физиономии, которая так красиво смотрелась на рекламных листовках «Доширака», обида и недоумение вот-вот обещали смениться яростью. Сквозь то, что так быстро и непринужденно исторглось из Федино желудка.

Николай Самойлов – Федин сосед и гордость Сибирска – стоял, подобно герою древнегреческих мифов на своем балконе, судорожно застыв рельефными мускулами великолепного тела. А особенно геркулесовых рук, поднятых к потолку балкона. На фоне громадных ладоней сиротливо смотрелись две двухпудовые гири. Его правая рука чуть дернулась и Казанцев

с ужасом поспешил закрыть глаза, ожидая, что одна из них впечатается сейчас в его физиономию глубоко вдавленными цифрами «32». Он бы и сам так поступил по отношению к любому, кто посмел бы облить его водопадом блевотины во время тренировки.

Впрочем, Казанцев и тренировка были понятиями несовместимыми; это понял бы каждый, кто увидел неприкрытые части его тела. Хотя бы шею – тонкую, длинную и жилистую, как у цыпленка-переростка, подвешенного на продажу за эту самую шею.

Не дождавшись удара, Федор несмело открыл глаза, не решаясь встретиться взглядом с чемпионом. Самойлов в это мгновение очевидно тоже подумал о цыпленке – по крайней мере Федору вдруг показалось, что он умеет читать мысли чемпиона. Точнее одну мысль – Николаю Самойлову нестерпимо захотелось вцепиться в эту тощую шею, потискать ее ладонью, чтобы она стала размером такой же, как привычная ручка гири. А потом сдернуть этого придурка с балкона и долго-долго смотреть, как Федор планирует на грязный асфальт.

Казанцев так живо представил себе этот вариант развития событий, что пропустил тот момент, когда Самойлов начал воплощать его в жизнь. Для этого ему нужно было освободить хотя бы одну руку и чемпион привычным, выверенным на тысячах тренировок движением бросил гирию на чудовищно выпуклую грудь. Одного он не учел – и гирия, и широкая ладонь, и особенно грудь были обильно покрыты гнусной слизью, не переваренным Фединым пиршеством.

Гирия как-то удачно – для Федора, конечно – выскользнула из ладони и медленно (так показалось обоим) шлепнулась на левую стопу чемпиона. Казанцев подобного удара не выдержал бы. Если бы не умер сразу, то свалился бы без чувств раньше, чем холодный крашенный металл коснулся бы его ноги. А чемпион устоял! Даже глаз не закрыл, опасаясь, очевидно, что сосед скроется из виду. Он открыл рот, из которого грозно и пока глухо, как из жерла просыпающегося вулкана, начала извергаться ярость. На гирию, на соседа-придурка, на себя, на...

Николай так увлекся эти перечислением, что совсем забыл о второй руке, и второй гире. А они, между прочим, были не менее скользкими. Вторые тридцать два килограмма мертвой стали вырвались из расслабленной ладони и так же удачно (опять-таки для Казанцева) припечатали к бетону, покрытому тонким слоем серого линолеума, вторую ногу чемпиона. Такого удара судьбы не выдержал даже его закаленный организм. Не закрывая глаз и рта, Самойлов рухнул рядом с любимыми гириями. Его великолепное накачанное тело – предмет собственной гордости и зависти многих и многих – предстало перед Казанцевым во всей красе! В лежачем состоянии.

– Чистый нокаут! – машинально пробормотал сосед сверху, и бросился опять на кухню. Он не помнил, как оторвал руки от перил; как ворвался на крохотную кухоньку; как схватил бутылку с Галиной порцией и приложился к горлышку.

– ... Десять, – досчитал он наконец последний глоток, – аут!

Он заметался по кухне, словно давно не кормленный тигр по клетке, постепенно расслабляясь. Не успокаиваясь, нет – ужас только что увиденного и совершенного начинал наслаиваться на те события, что он пережил утром. Но алкоголь действительно расслаблял, заставлял думать про неизбежную расплату, как про что-то отдаленное, размытое. Мысли стали выстраиваться в ряд. Мелькнула даже одна благородная – он вдруг вспомнил, что является врачом, пусть ветеринарным. Но лезть через балкон, с которого недавно чуть не спланировал вниз, он не собирался. Его взгляд остановился на столе, где рядом с закрытой сковородой (и когда только успел накрыть крышкой?) сиротливо лежал мобильник.

– Скорая... Точно! Вызвать службу спасения! Но не сейчас, – одернул он себя, – сначала зачистка!

Казанцев метнулся в спальню; в мешок для мусора полетело рванье. На эти сборы ушло секунд десять, не больше. Наконец черный мешок, загруженный наполовину, оказался в коридоре. Сам Федор полез руками вглубь встроенного шкафчика, который служил стенкой в при-

хожей. Там на дне ящика с инструментами хранилась самая страшная тайна Федора Казанцева. Тайна от Галчонка, конечно. Ни с кем из сослуживцев, а тем более случайных собутыльников он близко не сходилась и домой не приглашал.

– Ага, – не приглашал, – покосился он на мешок, от которого ощутимо пованивало даже сквозь полиэтилен.

Так что для всех, кроме Галчонка, личная жизнь Казанцева была тайной. А для Галчонка только вот эта – ребристая, страшновато тяжелившая руку лимонка, готовая к употреблению. Хоть сейчас!

– Сейчас, сейчас, – почти запел Казанцев на мотив хора охотников из мультфильма про зайца, который вышел погулять, – сейчас прольется чья-то кровь... Сейчас мы устроим такую зачистку...

Мысль, на его взгляд, очень раскованный от водки, большая часть которой успела-таки впитаться в кровь, была великолепной – бросить в мусоропровод зловонные остатки, а следом гранату. И пусть весь мир подождет! В смысле разбирается, кто и почему накромясал в подвале кучу кровавых ошметков, и почему остатки лохмотьев догорают отдельно от кусков их бывшего хозяина? Галина могла гордиться мужем (так думалось Федору) – он достойно завершал начатое ею ночью черное кровавое дело.

Эта граната уже полтора года ждала своего часа. Дождалась. А ведь как не хотел Казанцев ее брать! Лимонку всучил ему вместо гонорара временно неплатежеспособный прапорщик воинской части, что квартировала в городе. Худющий был прапорщик, чем-то похожим на ветеринара. Настоящий российский прапорщик, толстый и важный, побрезговал бы зайти в ту собачью и кошачью забегаловку, где работал Федор. У нее – у ветлечебницы – даже крыши путной не было. В смысле, никто ее не приватизировал ни в бандитские девяностые, ни в веселые и сытные двухтысячные, ни теперь, когда на дворе подбирался к своей середине две тысячи шестнадцатый год. А сам Федор, как и его работодатели, словно остался там, в девяностых.

Вот пес у прапорщика был настоящим бандитом. Злющий ротвейлер бросался на персонал лечебницы, пока не позвали Казанцева. Был у Федора такой талант – предмет необычайной зависти коллег. Он мог спокойно подойти к любому, самому злобному псу и сделать с ним все, что только не пожелает ветеринарская душа. Погладить, сделать укол, дернуть за хвост; да хоть и за другой отросток, за который любой пес отгрыз бы нахалу башку. А с Федей собаки терпели; даже с радостью принимали от него знаки внимания. Ради справедливости надо отметить, что сам Федор пользовался своим даром строго в рамках ветеринарной этики – как он ее понимал. То есть ни за что лишнее не дергал. Может потому даже абсолютно не поддающиеся дрессировке зверюги слушались его с первого слова и с видимым удовольствием выполняли любые команды. Другой на месте Казанцева давно сделал бы головокружительную карьеру, хотя бы в денежном выражении. Федор же который год прозябал в своей лечебнице и двухкомнатной квартире на девятом этаже. Изменений в своей жизни он никак не предполагал. До сегодняшнего утра.

– Судьба, – сказал бы любимый им в детстве артист Михаил Евдокимов.

– Дурак, – говорила ему ласково Галчонок...

– Ну все! – Казанцев в последний раз огляделся к крохотной прихожей и – как был, в спортивном костюме и кроссовках, без копейки денег в карманах, зато с гранатой в руке и черным пакетом в другой – захлопнул за собой дверь. О том, что внутри остались ключи от квартиры, он даже не подумал – возвращаться домой в ближайшее время не собирался.

На лестничной клетке было тихо, как в могиле; рабочий день был в разгаре. Только двумя-тремя этажами ниже доносилось чье-то глухое бормотание, отчего сравнение Федора с засыпанной землей могилой стало еще натуральней.

Зябко передернув плечами, он пропихнул в квадратный люк мусоропровода пакет и придал ему начальную скорость кулаком. Затем, едва подавив в себе желание перекреститься, бро-

сил следом гранату. Бросил правильно, проделав с ней все те манипуляции, которым успел научиться в армии. Взрыв прогремел через положенные три секунды, когда Казанцев уже нажимал на кнопку вызова лифта. О том, что осколки гранаты могут повредить и без того изношенное лифтовое хозяйство, он как-то не подумал. Не отпуская пальца от кнопки, Федор удивленно замотал головой. Глухой взрыв раздался слишком близко, так что на голову крупными кусками посыпалась штукатурка. Лестничную площадку в этот момент ощутимо тряхнуло, а кнопка под его пальцем погасла. Несколько мгновений в ушах звенела тишина, а затем с того же этажа, что и прежде, послышался шум, какое-то буханье. Словно кто-то бился, пытаясь выбраться на свободу. Теперь Федору представилось, что это он стоит у свежесыпанной могилы, а кто-то рвется из тесного гроба к свету.

Ноги сами понесли его вниз по лестнице. Если бы Казанцев мог представить себе, что слабо завязанный мусорный мешок зацепится одним краем за какую-то железяку, торчащую внутри мусоропровода на уровне шестого этажа! И что в этот пакет точно, словно Федор целился, попадет граната. Результат этой жуткой случайности предстал перед его глазами меньше, чем через минуту. Перепрыгивая длинными ногами сразу через три-четыре ступени, он, тяжело дыша, остановился наконец на площадке шестого этажа.

Здесь – знал Казанцев – уже месяца два жил какой-то крутой чиновник из мэрии Сибирска. Выкупил все три квартиры на этаже и жил в свое удовольствие. Даже на лестничной площадке успел ремонт сделать. Сейчас эта импортная благодать – штукатурка, литые лестничные решетки с перилами из какого-то благородного дерева и куски разорванного в клочья мусоропровода густо покрывали импортную плитку на площадке, а заодно и хозяина бывшего великолепия.

Последний – главный по строительству чиновник в городе Владимир Петрович Купалов – валялся (иначе не скажешь) у двери своей новой квартиры. Валялся в шикарном костюме, сверхмодных туфлях и при дипломате – переносном сейфе; как и все на нем, импортном. А Казанцев стоял над ним, борясь с давней клятвой какого-то уже забытого ветеринарного Гиппократата. Хваленая осторожность сыграла с чиновником злую шутку. Закрыв не очень широкой спиной дверь от квартиры – единственную, оставшуюся на этаже – он как раз запирает ее, набирая на цифровом замке длинный код. В этот момент граната и взорвалась. Она разлетелась на множество осколков, но впереди них погнала взрывной волной вырванную с родного места стальную крышку мусоропровода. Несла, пока крышка не встретила на своем пути затылок уважаемого в городе человека.

Одновременно она захлопнула и заклинила двери лифта, в котором двое вооруженных охранников ждали хозяина. Да – чиновник, даже не мэр, и не один из его заместителей, передвигался по родному городу исключительно с охраной. И эти опытные бойцы – мощные, накачаные, вооруженные абсолютно легальным оружием – бились сейчас в тесном лифте, как два крокодила в сухом бассейне. Два опасных, но пока безвредных крокодила; ибо кого они могли покусать в темном лифте? Разве что друг друга.

Помочь своему хозяину они не могли. А Казанцев не захотел. Благородные позывы даже не шелохнулись в его душе, когда он перешагнул, словно цапля, через лужу крови, щедро питаемой из разбитой головы чиновника. Федор лишь нагнулся, подхватив по пути тяжелый черный дипломат, выпавший из руки Купалова и поскакал вниз по лестнице так же резво, как и прежде.

И очень вовремя! Охранники, отчаявшись выломать железные двери, снабженные к тому же решеткой, принялись палить из пистолетов, от волнения не думая, что могут попасть в хозяина.

– Если он загнется, мало кто пожалеет, – отстраненно думал Казанцев, проскакивая один пролет за другим – кто их, ворюг из мэрии любит, кроме самой близкой родни? И те наверное спят, и наследство во сне видят. А про этого и вовсе злорадствовать будут – сам же этот дом

строил... курировал, как теперь это называется; и погиб здесь героической смертью – от мусорной крышки.

С этой мыслью Федор Геннадьевич Казанцев и вышел на залитую солнечным светом улицу города Сибирска. Политая недавним летним дождем, она дышала свежестью. Под теплыми лучами солнца все кошмары сегодняшнего утра как-то отступили и осталась одна, но очень актуальная задача – как открыть желтые (может быть золотые) кодовые замки дипломата?

Глава 2. Казанцев, Пончик и другие

Наблюдать за серой, уныло текущей жизнью толпы, снующей по улицам Сибирска, Пончику нравилось в любую погоду. Даже если день был серым, унылым и дождливым. Люди под дождем – в мыслях Пончика людишки – неуклюже пробегали мимо его автомобиля. Тогда на его вечно румяных щеках появлялись ямочки; пухлые губы раздвигались в довольной улыбке, а нога сама вдавливалась до упора педаль газа, заставляя железного коня рваться вперед, окатывая прохожих потоками грязной воды.

Машины Пончик менял часто – гораздо чаще, чем перчатки. Пончик вообще предпочитал владеть всем новым, необычным. Таким, чего больше не было ни у кого в Сибирске. Потому неделю назад Александр Золотов, в городе больше известный как Пончик, пересел с новенького «Порше» на еще более свежий «Мерседес». Просил у мамы «Мазератти», но получил отказ – обидный, хотя и вполне объяснимый.

– Ты где будешь на нем ездить, – прищурила тогда глаз мамаша, – по площади Ленина? В других местах и десятка метров не проедешь, застрянешь.

– Вот и заставила бы мэра отремонтировать дороги, – буркнул недовольный Пончик, – погонять с пацанами негде.

– Заставить можно, – расхохоталась мамаша, у которой мэр города ел с руки, как голодный щенок, – а на что тогда тебе новую машину покупать будем? Так что выбирай – или дороги для всех, или машину для тебя. Выбрал?

– Выбрал, – опять пробурчал сынок, и поспешно ретировался, сжимая в руки ключи от «Мерседеса».

Сейчас на нежнейшей коже заднего сидения германского внедорожника скромно сжимала колени Тусенька – «Мисс Сибирь – 2016», успевшая пару недель покататься на «Порше». После того, естественно, как его покинула предыдущая «Мисс». Как звали Тусеньку по паспорту, Пончик не знал – так же, как и других подробностей ее жизни. Он, к слову сказать, мало кем интересовался, кроме собственной персоны. Разве что здоровьем и благополучием своей матери. Да и то лишь потому, что сам от нее зависел. Полностью и во всем.

Саша Золотов, которого Пончиком прозвали еще в детстве, работать не любил и не умел. Все его сумасшедшие траты финансировала мама. «Мама» с большой буквы – именно так ее называли жители губернского Сибирска. Называли кто с ненавистью, кто с восторгом; многие со скрываемой завистью и совсем немногие с любовью.

Лишь единицы горожан – в большинстве своем людей не от мира сего – не относились к ней никак, потому что не подозревали о ее существовании. Слово их жизнь совсем не зависела от этой властной женщины. В последнем эти немногие счастливицы глубоко заблуждались. Потому что каждый вздох, не говоря уже о словах и деяниях Мамы, разносился по городу, словно волны беспокойного моря и отражались на судьбах всех ее жителей. Уже не первый год Сибирск, словно муха в паутине, покорно барахтался в щупальцах организованной, не совсем организованной и совсем уже дикой преступности. А во главе этого мира стояла, умело дергая за нужные ниточки, Людмила Золотова. На этих невидимых нитях болтались и губернатор, и депутаты всех уровней, милиция с прокуратурой, и даже отмороженные кавказские кланы, которых в этом сибирском городе хватало.

Знающие люди поговаривали, что сама Мама тоже имеет поводок; но тот тянулся так высоко, что туда простым смертным даже заглянуть было невозможно.

Одним из тех «счастливчиков», что позволяли себе роскошь жить, не подозревая о существовании всемогущей Мамы, был Федор Казанцев. В это теплое июньское утро его мысли были заняты лишь собственной персоной – той безрадостной перспективой, что ожидала его в ближайшем будущем. По собственным прикидкам Казанцева, по улицам Сибирска он мог

спокойно расхаживать не больше суток. А если забьется в какой-нибудь укромный уголок, мог ждать там полиции еще пару дней. В собственных умениях скрываться на городских улицах, среди горожан, он был абсолютно честен с собой – их у него попросту не было.

Между тем судьба, так круто повернувшая течение его жизни этим утром, не пожелала дать даже такой передышки. Она неслась ему навстречу со скоростью чуть больше ста двадцати километров в час, управляемая пухлыми ручками Пончика. Больше выжимать Золотов на своей обновке не решался даже тут, на центральном проспекте Сибирска.

Впрочем, они вполне могли, и должны были разминуться. В тот момент, когда Федор достиг перекрестка улицы Ермака с центральным городским проспектом, светофор услужливо зажег ему зеленый свет, одновременно заставив Золотова утопить педаль тормоза. Может быть, он бы и хотел сейчас наплевать на всех, как московские мажоры; он тоже никого не боялся в городе. Кроме Мама, конечно. А ей – это он тоже знал – тут же донесут, что сыночек позволил себе гонять на красный свет. Мама на работала в «Лукойле»; она была покруче – в том числе и в отношении собственного чада. Нажимая на педаль тормоза, Пончик невольно вспомнил, как неделю назад любимая мамочка за подобное вот приключеньице сняла с него фирменные штанишки, и...

Золотов метнул взгляд на зеркало, туда, где видел кукольное личико Тусеньки; убедился, что мимолетных терзаний на его лице она не отметила и повернул голову, чтобы хищно улыбнуться. Он увидел нескладную фигуру Казанцева, который ступил на «зебру», помахивая тяжелым дипломатом. Пончик отпустил педаль тормоза; легкое нажатие на соседнюю педаль заставило «Мерседес» дернуться вперед, так что сверкнувший на солнце бампер остановился в считанных сантиметрах от бедра застывшего на месте Федора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.